

ТВОРЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ДУХОВНОСТИ

Поиски человеческой сущности всегда были одной из наиболее важных проблем философии. Европейская философская традиция издавна пыталась найти ее в разуме. Однако разум, как и способность к коллективному труду, присущи в определенной степени и животным. Общеизвестны примеры, свидетельствующие о наличии сообразительности у животных и даже хитрости; также известно, что многие виды животных живут и действуют сообща. Еще одной, более поздней попыткой определения сущности человека является обращение к символу. «Вместо того, чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» - писал Кассирер.

Несомненно, этот символический мир не только существует, но и формирует жизненные горизонты человеческой особи. Но нельзя не отметить, что он является лишь проекцией, отражающей нечто более глубинное и фундаментальное, а именно, духовное содержание человека. Поэтому и специфическим отличием человека, полагаю, следовало бы назвать духовность. В ней и только в ней фиксируются основные парадигмы углубо человеческого отношения к миру. Понятие духовности гораздо шире, чем мир символов, являющимся производным от работы духа. Духовность, как и ее квинтэссенция - способность к творчеству - и является, по-видимому, фактором, изначально

определившим специфическое бытие человека и его развитие.

Нельзя сказать, что в строгой гармонии природы это приобретение сделало человека счастливее. Оно не только породило коллизии саморефлексии, обременив человека пониманием неизбежности смерти и мучительным ощущением одиночества и заброшенности. Кроме того, пытаясь осознать свое место в мире, человек взвалил на себя непомерный груз ответственности, приведя мир к его глобальным проблемам. И все же, отрицательный результат не менее важен, чем положительный. И все чаще в философской литературе встречается и обосновывается мысль о том, что вся бесконечная цепь ошибок и открытий ведет к некоторой неопределенной, но уже смутно проглядывающей цели. И способность человека к творчеству, и его духовность являются ключом от врат, ведущих к новому типу отношений человека и мира, человека и природы, человека и человека.

Такой тип отношений в его высшем, абсолютном значении, должен опираться на духовность.

Онтологическое понимание духовности связано прежде всего с самостроительством личности. Мысль о том, что быть человеком означает быть творцом собственной жизни и собственного «я» далеко не нова. Еще Диоген утверждал, что «жить, никого не боясь, никого не стыдясь, - это доставляет радость и делает жизнь полной». И действительно, пройти через строй жизненных соблазнов и потрясений, не потеряв при этом самого себя, а напротив, открыв новые горизонты своих возможностей и духовных перспектив роста, может лишь духовно сильная личность. Способность к творчеству проявляется здесь прежде всего в выборе прочности жизненной позиции, создающей целостный каркас индивидуальной судьбы.

Отсюда возникает и следующее понимание духовности, на сей раз аксиологическое - духовность есть отношение ценностное, как по механизму реализации, так и по основаниям деятельности. Переживание ценности как ее субъективное понятие - от витальных потребностей, до проблемы смысла - выдвигает на первый план творческий процесс созидания субъективной реальности, в которой человек не только интерпретирует те или иные воздействия на него материального мира, но и моделирует специфические формы трансцендирования и самотрансценденции.

Здесь мы вплотную подходим к праксиологическому пониманию духовности. Созидая ценности и следуя им в реальной жизни, человек приспособливает к ним мир реальный, мир внешний. Ставя перед собой цель и сосредоточив усилия на

достижении ее, человек ищет возможности для воплощения своих представлений о должном. И опять в этом поиске он использует свои творческие способности. Именно такое понимание духовности стало основой возрожденческого титанизма, безграничной веры человека в свое могущество.

В отличие от трех предыдущих, четвертое понимание духовности ориентировано не на дискурс, а на иррациональное постижение мистических сущностей, предшествующих сущностям реальным или, по крайней мере, увенчивающей их. Ведь громадный опыт религиозного сознания - от языческих верований до христианской экстатичности или буддийской медитации - опирается на феномен духовного прозрения, индивидуального открытия высшего тайнства и соприкосновения с ним. Творчество в вере есть прежде всего поиск своего личного пути к богу и непосредственный контакт с ним, вот почему он требует небывалого сосредоточения и умения выхода из обыденности, конкретности и непосредственности бытия. Индивидуальная духовность проверяется соизмеримостью ее с божественной, следовательно, требует индивидуального духовного перерождения на основе заданных материальных императивов.

Следовательно, духовность - это не только та тотальность, наличие которой отличает человека от остальных известных нам живых организмов, но и та уникальность, которая делает бесценным, невозпроизводимым любое проявление духа, любое его творческое деяние.

Каким же образом, исходя из всего вышесказанного, можно смоделировать тип отношения человека с миром, избежав или хотя бы смягчив последствия бессмысленного растрачивания человеческой энергии? Ответ на этот вопрос можно найти в экзистенциальной философии.

Диалог, понимание другого как самого себя, сопереживание является единственным способом выхода из современного тотального духовного кризиса. Только увидев в другом его боль и страдание, его единственность и одиночество, личность способна расширить пространство своего бытия до масштабов человечества, а время жизни - до масштабов истории. «Человека, которому я говорю «ты», я не познаю. Но я нахожусь в отношении к нему, в святом основном слове. Ты встречает меня через благодать... его нельзя обрести в поиске. Но когда я говорю ему основное слово, это есть акт моей сущности, акт, которым осуществляется мое бытие», - писал М. Бубер. С точки зрения М. Бубера, отношение Я к Ты выступает основой духовности, ибо только в отношении, в сосредоточении Я на другом Я

заключается не только смысл реального человеческого бытия, но и единственный способ самореализации. Причем под Ты подразумеваются не только другой человек, но и все сущее на земле.

Отдавая - обогащаться. Оценивая и прицениваясь - теряешь. Рефлексируя - обесмысливать. Отношение - событийно и непосредственно, оно не противопоставляет предстоящее Ты, но делает его Настоящим. Только встретившись с Ты, Я переживает творческий акт самостановления, и потому человек через всю жизнь проносит «инстинкт контакта», пытаюсь найти свое Ты в мире тотально-технической обезличенности, причинности и целенаправленности. Встреча с Ты беспричинна, а отношение Я с Ты нецеленаправленно. Оно есть цель сама в себе, ведь только через него Я может реализовать свой творческий потенциал и стать личностью, а бытие, в котором существует человек, превращается в бытие личности. Встречаясь с Ты, отвечая на обращенный к нам, как к Ты, голос, мы оформляем прошлое и будущее как настоящее, переживаем обретенное, потерянное и ожидаемое и тем самым живем в духовном временном измерении. Духовные чувства - мечта, вера, надежда - являются итогом нашего отношения к миру и представляют собой содержательные формы творческой коммуникации. Отсутствие же творческого компонента в диалоге не только не позволит проникнуть в мир иной субъективности, но и исключит свой собственный духовный рост, который представляет собой реализацию своей потенциальности через обретение самого себя - в другом. Очевидно, в творчестве осуществляется обращение к бытию Я, прозревшего и сосредоточившего в себе силу духовных чувств. Поэтому в творческом акте всегда присутствует неокончателность, незавершенность, что обеспечивает открытость духа миру и к дальнейшему развертыванию и самосовершенствованию.

Анализируя собственное «Я» как творческую духовную реальность, человек редуцирует дальнейшее нарастание требований к себе в своих духовных притязаниях. Творя себя, он постоянно выходит за пределы своего бытия, меняя облик мира фактом своего творчества. Это тот уровень, на котором деятельность личности ограничивается только заданным имманентно императивами нравственного характера. «Человеческая личность, следовательно, каждый человек, есть возможность для осуществления неограниченной действительности, или особая форма бесконечного содержания, - писал Вл. Соловьев, - В уме человека заключается бесконечная возможность все более и более истинного познания о смысле всего, а его воля содержит в себе такую же бесконечную возможность все более и более

совершенного осуществления этого всеединого смысла в данной жизненной среде. Человеческая личность бесконечна: это есть аксиома нравственной философии».

При этом, безусловно, стереотипная, репродуктивная деятельность не будет достаточной. Экзистенция, как пишет Ясперс, имеет свойство придавать себе формы и нормы. Другими словами, человек черпает ценности из самого себя, и только тогда он становится единственным источником ценностей, только тогда человек обретает подлинное бытие. Постоянный выход за рамки намеченного бытия, постоянное созидание себя через выбор, «творчество из ничего» (Ясперс) - это реализация подлинной человеческой сущности, которая и есть духовность. Сегодня прорыв к новому, будь то в культуре или в сфере социальных отношений, должен осуществляться через обретение новых ценностей, главной из которых является благоговение перед другой жизнью. Экзистенция и есть открытость бытию, открытость всему живому.

Тем не менее, говорить о реальности такой духовно-творческой личности в сегодняшних условиях есть такая же философская утопия, как и всесторонняя личность в марксизме. Однако, как отдельная личность, так и социум в целом в кризисной ситуации осуществляет фундаментальный выбор: либо анемия и уничтожение, либо обращение вновь и вновь к общечеловеческим ценностям, выработанным духовностью. И если духовность не есть нормой жизнедеятельности, а только придает значение тем или иным формам творческого овладения бытием, то мы рискуем попасть в объятия «экзистенциального вакуума», потерять меру своей выразительности, раствориться в нормативности и конформизме.